

Принципы формирования научно-педагогических кадров в 1920-е гг. (на примере вузов Саратова)

Э.Ф. Абубикерова

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Российская Федерация*

В статье рассматриваются тенденции формирования научно-педагогических кадров для советской высшей школы в 1920-е гг. Выявлены основные факторы, которые влияли на показатели количественного и качественного состава научно-педагогического сообщества саратовских вузов в рассматриваемое десятилетие. На основе архивного материала анализируется состав научной корпорации по партийной принадлежности. Рассмотрена деятельность органов власти по созданию новой категории ученых из числа рабочих и крестьян, характеризуется система аспирантской подготовки и института выдвиженчества.

Ключевые слова: высшая школа, советская власть, научно-педагогические кадры, состав научной корпорации, Саратов, 1920-е гг.

Для цитирования: Абубикерова Э.Ф. Принципы формирования научно-педагогических кадров в 1920-е гг. (на примере вузов Саратова) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №1. С.123–132. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.123-132>

Первая мировая война, революция, а затем и Гражданская война практически полностью парализовали экономику страны, восстановление которой требовало огромного количества специалистов в разных областях науки и техники. Молодое советское государство не имело своей базы подготовки научных кадров, поэтому необходимо было найти пути налаживания отношений и привлечения на свою сторону старых буржуазных специалистов. Руководители страны осознавали, что сотрудничество со старой интеллигенцией неизбежно, и только союз с ней может благотворно повлиять на дальнейшее развитие страны.

Кроме сфер, связанных с восстановлением народного хозяйства, также ощущалась острая нехватка кадров и в области гуманитарных наук. На фоне всеобъемлющей идеологической борьбы и формирования нового советского общества большевикам требовалась целая армия специалистов в области общественных наук. Своей базы специалистов большевики не имели, поэтому без старой интеллигенции обойтись было невозможно. Затруднение было вызвано также и немногочисленностью данной категории специалистов. Так, согласно данным Всесоюзной городской переписи 1923 г., численность их по стране составляла более 200 тыс. человек, причём учёных насчитывалось лишь 8,7 тыс. человек, т.е. всего 3% [22, с.47].

За три года с 1923 по 1924 гг. прирост численности культурно-просветительских кадров увеличился только на 0,8% [21, с.142–143], что не могло полностью удовлетворить потребности большевиков в полноценных кадрах для создания нового общества. Большая часть профессуры относилась к большевикам крайне негативно, что являлось основной сложностью для привлечения их на свою сторону.

Политика новой власти в сфере образования, которая во многом зависела от результатов политической борьбы среди руководителей страны, была весьма неоднозначной и противоречивой и оказывала существенное воздействие на состав научной корпорации, её количественные и качественные показатели, а также на особенности социального происхождения. Особо значимым фактором выступало и тяжёлое материальное положение большинства жителей Советской России, особенно в первой половине 1920-х гг.

В 1920-х гг. сеть вузов и их структура в Саратове, как и в целом по стране, постоянно подвергалась различного рода изменениям: появлялись новые вузы и факультеты, претерпевавшие затем реорганизации, происходило слияние вузов и факультетов, прекращалась и возобновлялась их деятельность. Так, в Саратове на протяжении рассматриваемого периода в качестве основных высших учебных заведений можно выделить следующие: Саратовский государственный университет, Саратовский сельскохозяйственный институт, переименованный в 1924 г. в институт сельского хозяйства и мелиорации, ветеринарный институт и институт красной профессуры.

Численность профессоров и преподавателей в целом по стране за десятилетие имела тенденцию к увеличению. К осени 1919 г. количество профессоров и преподавателей по сравнению с 1916 г. увеличилось в 2,5 раза и составило 4 тыс. 100 человек, а в период с 1919 г. по 1925 г. их численность превысила 14 тыс. человек [26, с.46, 57]. Наибольший рост был отмечен в 1923–1925 гг., когда он составил 22,9%. Это более чем существенное увеличение связано с окончанием Гражданской войны и притоком новых сил, в первую очередь молодежи из рабочих и крестьян. Что касается поступления молодых кадров, то его наивысший показатель отмечается в 1918–1922 гг. и составляет 19,7%, а в 1926–1928 гг. – всего лишь 6,6% [24, с.46]. Большой процент начавших работу именно в 1918–1922 гг., скорее всего, свидетельствует о привлечении партийных кадров к научно-преподавательской деятельности сразу после окончания революции.

На показатели количественного и качественного состава научно-педагогического сообщества саратовских вузов в рассматриваемое десятилетие влияли два основных фактора. Во-первых, стремление большевистской партии к созданию новой категории учёных, когда неугодные кадры вытеснялись из вузовской системы, а во-вторых, низкий уровень жизни большинства преподавателей, заставлявший их подыскивать новые рабочие места, зачастую в других городах.

В начале 1920-х гг. усилилось преследование представителей «старой» вузовской интеллигенции со стороны новой власти. Этот процесс имел место и в Саратовском Поволжье. Многие профессора всё отчетливее стали ощущать нездоровую атмосферу в университете. В личной переписке Н.К. Пиксанова с С.Ф. Платоновым профессор Н.К. Пиксанов делится своими душевными переживаниями и опасениями: «Чем дальше, тем это невыносимее. Хочется бежать куда угодно: в Томск, в Пермь, в Кострому. Как о чём-то виденном во сне вспоминаю о прежней работе в Петрограде, хотя там был не больше как «преподавателем» или приват-доцентом. Постоянно ищущу мыслью, куда бы деться, и, право, петроградское или московское недоедание ничто перед тяготами факультетских интриг в Саратове», «в саратовском факультете мне так тяжело, что я постоянно думаю об эмиграции» [27, с.248, 249].

Неоднократно выступавший против методических нововведений большевистского руководства профессор В.В. Голубев был подвергнут чистке в конце 1920-х гг., руководителем которой был ректор университета, профессор С.З. Каценбоген. В воспоминаниях студента того времени В.А. Ермолаева, присутствовавшего на чистке, содержится подробное описание всего происходящего на собрании. «Ректор обвинял В.В. Голубева в модном тогда грехе – механицизме. Однако все его обвинения рассыпались прахом после того, как выступил В.В. Голубев... Его речь часто прерывалась аплодисментами студенческой публики. Эти аплодисменты были настолько бурными, что руководители собрания вынуждены поставить вопрос очень остро, сказав, что аплодируют чуждые элементы. Ответы В.В. Голубева на вопросы были весьма смелыми, например: «Ваше социальное происхождение?» – «такое же, как у Николая Гавриловича Чернышевского, только его отец был протоиерей, а мой – просто иерей». В результате он был вычищен по первой категории, т.е. без права занимать какие бы то ни было должности [20, с.139–140]. Принудительный «исход» неугодных кадров в вузах Саратова не прекращался на протяжении всего рассматриваемого нами периода. Выдавливание «старой профессуры», особенно гуманитариев, в конце 1920-х гг. приобрело упрощённый характер.

После окончания Гражданской войны часть преподавателей Саратовского университета, ранее прибывших в Саратов с целью спасения от репрессий и голода, начала возвращаться к местам прежней работы. Вместе с тем общее сокращение численности научно-педагогических работников в саратовских институтах было незначительным, а в университете за 1920-е гг. наблюдалось даже их увеличение на 139 человек [25, с.224]. В этот период вузы пополнялись в основном за счёт молодых преподавателей и научных сотрудников – саратовцев, не всегда обладавших должной квалификацией [1, с.119–120].

Советская власть была заинтересована и в сохранении научного потенциала страны, и в воспитании новых преданных коммунистическому режиму кадров. В.И. Ленин на IX Всероссийском съезде Советов в 1921 г,

говоря о задачах Наркомпроса в новый период, отметил, что необходимо «в наиболее короткий срок создать кадры специалистов во всех областях из среды крестьян и рабочих» [23, с.337].

Осознавая, что без привлечения специалистов старой буржуазной школы невозможно достичь успехов в социалистическом строительстве, партия стремилась любыми способами привлечь таковых на свою сторону, выбирая наиболее лояльных представителей дореволюционных кадров. Важность данной задачи была подчеркнута на XI съезде РКП(б) в марте 1922 г., где говорилось – «во что бы то ни стало мы должны осуществить то, чтобы спецам, как особой социальной прослойке, [...], жилось при социализме лучше, чем при капитализме, в отношении и материальном и правовом...» [23, с.351].

Несмотря на то, что партийное руководство уделяло много внимания вопросу привлечения на свою сторону и перевоспитания научной интеллигенции, оно всё же постоянно заботилось о создании кадров из числа рабочих и крестьян.

На смену старым специалистам приходили окончившие Институт красной профессуры, первые выпускники советских вузов, немногочисленные партийные кадры, имевшие высшее образование. Особый состав преподавателей был на рабочем факультете, где не требовалось иметь научные заслуги и глубокие знания, а главными критериями были принадлежность к Коммунистической партии и пролетарское происхождение [2, с.112–113]. Именно по этой причине долгое время на рабфаке не работали профессора. Судя по сведениям, предоставленным Саратовскому губкому ВКП(б), первые профессора появились там в 1924 г., но по данным на 1927 г. они уже не значились [8, л.19; 5, л.16].

К середине 1920-х гг. было разработано Положение о студентах-выдвиженцах, которые к концу десятилетия стали существенным элементом в процессе формирования нового советского научно-педагогического сообщества. Институт выдвиженчества не только давал возможность определиться студентам [9, л.1], склонным к научной деятельности, но и в первую очередь имел своей целью заменить «ненадежные» кадры из старой профессуры новыми – из рабоче-крестьянской среды, подготавливая их к поступлению в аспирантуру и к дальнейшей научной деятельности. Важность института выдвиженчества в процессе воспроизводства советских научных кадров отмечал доцент Г.Е. Меерсон. Описывая кастовую замкнутость буржуазной науки царской России, когда «научные силы вербовались из своего класса», Г.Е. Меерсон сводил роль выдвиженцев к созданию новой, теперь уже советской кастовости [14, л.3–3об.].

В отборе кандидатов в выдвиженцы приоритет отдавался студентам, больше других преданным марксистской идеологии. Формально одним из главных критериев отбора при выборе являлся фактор «академической успеваемости и способности к научной работе», который на деле отходил на второй план [13, л.1; 10, л.9об.]. Полностью обеспечить пополнение состава

преподавателей выдвиженцами—членами партии не удавалось, в их рядах появлялись беспартийные студенты, процент которых был весьма незначителен [13, л.31–32], особенно по естественнонаучным специальностям.

Несмотря на большое количество выдвиженцев, аспирантура росла медленно. За период с 1927 по 1930 гг. обучение прошло 18 аспирантов. Возможно, причинами снижения темпов выдвижения в аспирантуру являлись нежелание студентов заниматься научной и преподавательской деятельностью, их слабая подготовленность. Очень часто на партбюро отбор проходил, исходя из социальной принадлежности, и не принималась во внимание академическая успеваемость студента, его желание продолжать своё обучение [13, л.33–34].

В Саратовском государственном университете первые аспиранты начали обучение в 1926 г. [25, с.270]. К концу 1920-х гг. аспирантов насчитывалось 42 человека [16, л.27–27об.], в основном выходцев из крестьян. В данном вузе борьба «за чистоту» аспирантских рядов была выражена довольно ярко. И в конце 1920-х гг. идейно-коммунистические кадры боролись с любыми попытками проникновения в аспирантуру социально чуждых элементов. Так, например, на заседании бюро партколлектива педагогического факультета от 17 октября 1929 г. по результатам обследования кафедр, несмотря на протесты части профессуры, некоторые аспиранты были отчислены и заменены «своими». В прениях преподаватель Лебедев прямо и откровенно высказал мысль, которая может считаться неким детерминантом: «Нужно было действовать напрямую, т.е. в основу брать не их академическую неуспеваемость, а социальное происхождение» [15, л.26–26об.].

С партийностью аспирантов дело обстояло явно в пользу коммунистов. Так, на трёх факультетах СГУ (педагогическом, экономическом и факультете советского права) членов ВКП(б) и ВЛКСМ числилось до 80%. Беспартийные аспиранты были лишь на одном, педагогическом факультете, составлявшие здесь менее четверти [16, л.27–27об.]. Большой процент партийных аспирантов в университете объясняется стремлением советской власти подготовить преданные кадры в гуманитарной сфере, особенно в сфере образования. Её стремление создать идейную опору в кадровом отношении можно проследить и на примере ветеринарного института.

В ветеринарном институте к концу 1920-х гг. числилось всего 14 аспирантов, и основной процент их приходился на выдвиженцев не из крестьян, а из рабочих. Рабочий класс всегда считался идеологически более «подкованным», благодаря этому партийность аспирантов в ветеринарном институте была даже несколько выше, чем в педагогическом — и составляла свыше 91%.

Активному внедрению института аспирантуры сильно мешала слабая материальная база, которая становилась явно недостаточной по мере расширения количества аспирантов. Из 30 аспирантов ИСХИМа в 1928 г. лишь девять человек получали стипендию. Возможности же «подработать» на стороне у них не было в силу большой общественной нагрузки. К

тому же ряд кафедр мало способствовали подготовке новой смены, не считая достаточно серьёзными проблемы аспирантуры [17, л.149].

Таким образом, к концу двадцатых годов выдвиженцы от партии большевиков занимали лидирующее положение в вузах Саратова, особенно на гуманитарных факультетах. С помощью выдвиженчества советская власть пыталась заменить старую профессию новыми, преданными коммунистической партии кадрами, хотя в конце двадцатых годов полностью заменить старую профессию ещё было невозможно. Сложнее дело обстояло с институтом аспирантуры. Здесь показатели кардинально менялись от вуза к вузу и от тех, что были нужными власти. На данном историческом этапе у большей части выходцев из рабочих и крестьян отсутствовала заинтересованность в занятии профессиональной научной деятельностью, что во многом объяснялось недостаточным материальным стимулированием этого процесса.

Вторая половина 1920-х гг. оказалась очень трагичной для учёных саратовских вузов. Свободная, независимая мысль вступила в открытое противоречие с партийной диктатурой. Противостояние с ней было явно неравным. Цепь закономерных событий привела к подавлению властью (моральному и физическому) всех с ней не согласных. Некоторые знаки грядущих перемен можно было обнаружить ещё в середине 1920-х гг. и ранее. Проблема обеспечения вузов марксистскими кадрами не являлась только внутриуниверситетской задачей, внимание к идеологической сфере заботило и губернские власти.

Как было сказано в докладе о Саратовском университете на заседании президиума Саратовского губкома ВКП(б) 29 октября 1923 г., в вузе имели место «тенденции к началу процесса вливания коммунистов в вузовские ряды», а также наметилась перестройка в идеологической работе, прежде всего со студентами [4, л.108–108об.]. Но эти тенденции были ещё не столь заметны. Однако в следующем году они набирают оборот. В частности, на заседании президиума Саратовского губернского комитета ВКП(б) 21 августа 1924 г. обсуждался вопрос «О привлечении к преподаванию общественно-исторических дисциплин на Педфаке соответствующих этой работе членов партии». Было решено добиваться реализации ходатайства губкома об усилении университета «коммунистическими преподавательскими силами» посредством обращения в ЦК РКП(б). Кандидаты в обязательном порядке должны были быть выпускниками Института красной профессуры – цитадели подготовки новых гуманитариев советского образца. Саратовский губком ВКП(б) просил прислать экономиста, историка России и историка социализма [6, л.50].

Действительно, состав преподавателей не мог не волновать власть предрержащих. С их точки зрения он не отвечал идеалам «красного» вуза. Несмотря на ряд мер, предпринимавших властью по укреплению в вузах партийной прослойки, к середине 1920-х гг. не удалось коренным образом изменить состав преподавателей и студентов университетов.

Так, на 1 февраля 1925 г. из 708 служащих СГУ подавляющее большинство (647 человек) являлось беспартийным и лишь 61 человек (8,6%) состоял в РКП(б) или РЛКСМ. Причём среди профессорского состава лишь два человека были партийными [3, л.3]. Например, факультет общественных наук, по данным на середину 1924 г., обладал лишь семью членами РКП(б), которые в основном работали на кафедре социологии и истории социализма [7, л.57об.]. Например, на педагогическом факультете ситуация была несколько иной – из 110 профессоров и преподавателей членами ВКП(б) и КСМ было 53 (48,2%), а 57 человек оставались беспартийными [16, л.37]. В целом же работников идеологического фронта данные цифры не устраивали.

К ноябрю 1928 г. в Саратове по учтенным данным числилось 64 научных работника-коммуниста [11, л.70–73, 74], большая часть которых вступила в партию сразу после революции и имела партийный стаж с 1917–1921 гг. Естественно, что по социальному происхождению основная часть их относилась к рабочим, крестьянам и служащим. Поскольку Саратовский университет по численности учёных опережал все остальные вузы, то и количество его научных работников-коммунистов составляло половину от общей численности таковых по Саратову. Данный факт, однако, существенно не изменил численные показатели партийной принадлежности в университете. За три года число членов и кандидатов в члены ВКП(б) увеличилось всего на 4% и составило к концу 1928 г. 32 человека. Основное ядро научных работников-коммунистов составляли молодые кадры (свыше 73% [11, л.74]), что свидетельствует о привлечении к научно-исследовательской и преподавательской деятельности выдвиженцев, аспирантов и выпускников советской высшей школы и института красной профессуры, преданных устоям советской власти.

К 1929 г. имела место тенденция к увеличению числа представителей ВКП(б) и ВЛКСМ среди общего числа преподавателей. Число коммунистов и комсомольцев увеличилось на 7% и составило 44 человека [19, л.58]. В некоторых вузах число коммунистов было весьма значительным – на педагогическом факультете СГУ – 48,2% коммунистов от общего числа учёных, а в Саратовском областном коммунистическом университете – 90%, хотя на тот момент в общегородском масштабе по-прежнему доминировали беспартийные.

К концу же 1920-х гг. ситуация по партийной принадлежности в некоторых вузах существенно изменилась. Наиболее динамично этот вопрос решался в институте сельского хозяйства и мелиорации, где количество коммунистов увеличилось в 10 раз, т.е. с 2 до 21 [12, л.52–53об.].

Но не во всех институтах к концу 1920-х гг. удалось кардинально изменить удельный вес партийной прослойки. Так, в ветеринарном институте основную массу составляли всё же беспартийные научные работники, доля которых была более 80%, а членов ВКП(б) насчитывалось всего 18 человек [18, л.11].

Все эти показатели свидетельствует о постепенном завоевании советской властью высших учебных заведений, которые подверглись в первое десятилетие правления большевиков масштабным изменениям. Эти изменения затронули, в первую очередь, социальный и возрастной состав научных кадров, что в свою очередь закладывало основы для формирования нового типа учёного – советского.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Абубикерова Э.Ф.* Профессиональная повседневность научно-педагогических работников Саратова в 1920-е годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения, 2012, т.12, №2, с.119–122.

2. *Аврус А.И., Гапоненков А.А., Данилов В.Н.* История Саратовского университета. 1909–2009: в 2 т. Т.1. 1909–1945. Саратов: Изд-во СГУ, 2009. 296 с.

3. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф.27. Оп.1. Д.1290.

4. ГАНИСО. Ф.27. Оп.3. Д.11.

5. ГАНИСО. Ф.27. Оп.3. Д.425.

6. ГАНИСО. Ф.27. Оп.3. Д.517.

7. ГАНИСО. Ф.27. Оп.3. Д.829.

8. ГАНИСО. Ф.27. Оп.4. Д.340.

9. ГАНИСО. Ф.27. Оп.8. Д.187.

10. ГАНИСО. Ф.35. Оп.1. Д.100.

11. ГАНИСО. Ф.55. Оп.1. Д.28.

12. ГАНИСО. Ф.55. Оп.1. Д.206.

13. ГАНИСО. Ф.92. Оп.1. Д.1.

14. ГАНИСО. Ф.92. Оп.1. Д.2.

15. ГАНИСО. Ф.92. Оп.1. Д.3.

16. ГАНИСО. Ф.92. Оп.1. Д.14.

17. ГАНИСО. Ф.109. Оп.1. Д.32.

18. ГАНИСО. Ф.184. Оп.1. Д.28.

19. Государственный архив Российской Федерации. Ф.5462. Оп.11. Д.331.

20. *Ермолаев В.А.* «Без гнева и пристрастия»: записки историка. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2009. 563 с.

21. *Жиромская В.Б.* Советский город в 1921–1925 гг.: проблемы социальной структуры. М.: Наука, 1988. 166 с.

22. Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. // Тр. ЦСУ СССР. Т.20. Вып. 1, ч.2. М., 1924.

23. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т.44. Июнь 1921 – март 1922. М.: Изд-во политической лит-ры, 1970. 725 с.

24. Научные кадры РСФСР. М.: Работник просвещения, 1930. 111 с.

25. Саратовский государственный университет. 1909–1959. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1959. 292 с.

26. *Синецкий А.Я.* Профессорско-преподавательские кадры высшей школы СССР. М.: Советская наука, 1950. 236 с.

27. Соломонов В.А. Письма Н.К. Пиксанова С.Ф. Платонову 1908–1927 годов // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева. Вып. 2. Саратов, 2010. С.235–260.

Информация об авторе:

Абубикерова Эльмира Фаритовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России новейшего времени, Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Российская Федерация); e-mail: abubikerova.e@rggu.ru

Поступила 01.11.2022

Принята к публикации 19.12.2022

**Research and pedagogical personnel formation principles in the 1920s
(by the example of Saratov institutes of higher education)**

E.F. Abubikerova

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russian Federation*

The article discusses the trends in the research and pedagogical personnel formation for the Soviet higher education in the 1920s. The main factors that influenced on the the quantitative and qualitative composition of the research and pedagogical community of Saratov institutes in the decade under review were identified. On the basis of archival material, the composition of the scientific corporation by party affiliation is analyzed. The activities of the authorities of a new category of scientists creation from among the workers and peasants are considered. Postgraduate study and promoted students institution are characterized.

Keywords: higher school, Soviet government, research and pedagogical staff, scientific corporation composition, Saratov, 1920s

For citation: Abubikerova E.F. Research and pedagogical personnel formation principles in the 1920s (by the example of Saratov institutes of higher education). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.1, pp.123–132. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.123-132> (In Russian)

REFERENCES

1. Abubikerova E.F. Professional'naya povsednevnost' nauchno-pedagogicheskikh rabotnikov Saratova v 1920-e gody [Professional Daily Scientific and Pedagogical Workers of Saratov in the 1920s]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2012, vol. 12, №2, pp.119–122. (In Russian)
2. Avrus A.I., Gaponenkov A.A., Danilov V.N. Istoriya Saratovskogo universiteta. 1909–2009 [History of the Saratov University. 1909–2009]: in 2 vol., vol. 1. 1909–1945. Saratov: Izd-vo SGU, 2009. 296 p. (In Russian)

3. Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii Saratovskoy oblasti (GANISO) [State Archive of the Contemporary History of the Saratov Region]. F.27. Op.1. D.1290. (In Russian)
4. GANISO. F.27. Op.3. D.11. (In Russian)
5. GANISO. F.27. Op.3. D.425. (In Russian)
6. GANISO. F.27. Op.3. D.517. (In Russian)
7. GANISO. F.27. Op.3. D.829. (In Russian)
8. GANISO. F.27. Op.4. D.340. (In Russian)
9. GANISO. F.27. Op.8. D.187. (In Russian)
10. GANISO. F.35. Op.1. D.100. (In Russian)
11. GANISO. F.55. Op.1. D.28. (In Russian)
12. GANISO. F.55. Op.1. D.206. (In Russian)
13. GANISO. F.92. Op.1. D.1. (In Russian)
14. GANISO. F.92. Op.1. D.2. (In Russian)
15. GANISO. F.92. Op.1. D.3. (In Russian)
16. GANISO. F.92. Op.1. D.14. (In Russian)
17. GANISO. F.109. Op.1. D.32. (In Russian)
18. GANISO. F.184. Op.1. D.28. (In Russian)
19. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. F.5462. Op.11. D.331. (In Russian)
20. Ermolaev V.A. «Bez gneva i pristrastiya»: zapiski istorika [“Without anger and bias”: historian's notes]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 2009. 563 p. (In Russian)
21. Zhiromskaya V.B. Sovetskiy gorod v 1921–1925 gg.: problemy social'noy struktury [Soviet city in 1921–1925: problems of social structure]. Moscow: Nauka, 1988. 166 p. (In Russian)
22. Itogi Vsesoyuznoy gorodskoy perepisi 1923 g. [Results of the All-Union City Census of 1923]. *Trudy TsSU SSSR*. Vol.20. Vyp. 1, ch.2. Moscow, 1924. (In Russian)
23. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy [Complete set of works]. Ed. 5, vol. 44. June 1921 – March 1922. M.: Izd-vo politicheskoy lit-ry, 1970. 725 p. (In Russian)
24. Nauchnye kadry RSFSR [Scientific brainpower of the RSFSR]. Moscow: Rabotnik prosveshheniya, 1930. 111 p. (In Russian)
25. Saratovskiy gosudarstvennyy universitet. 1909–1959 [The Saratov State University. 1909–1959]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1959. 292 p. (In Russian)
26. Sinetskiy A.Ya. Professorsko-prepodavatel'skie kadry vysshey shkoly SSSR [The teaching staff of the higher school of the USSR]. Moscow: Sovetskaya nauka, 1950. 236 p. (In Russian)
27. Solomonov V.A. Pis'ma N.K. Piksanova S.F. Platonovu 1908–1927 godov [Letters from N.K. Piksanov to S.F. Platonov, 1908–1927]. *Istoriya i istoricheskaya pamyat': mezhvuz. sb. nauch. tr.* Ed. by A.V. Gladyshev. Vyp. 2. Saratov, 2010. Pp.235–260. (In Russian)

About the author:

Abubikerova El'mira Faritovna – Cand. Sci. (history), Associate professor of the Department of Contemporary Russian History, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation); e-mail: abubikerova.e@rggu.ru

Received November 1, 2022

Accepted for publication December 19, 2022